

Б.Плотников, Х.Яхнов

К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ).

Лингвистическая типология базируется на тех чертах сходства разных языковых систем, которые определяются или генетическим родством последних, или возникают в результате одинаковых условий их функционирования, или появляются в ходе контактирования языков путем заимствования друг у друга каких-либо элементов, конструкций, структур и др. Поскольку в любом языке с достаточной очевидностью выделяются две стороны – план выражения, или его внешняя сторона, и план содержания, или его внутренняя сторона, – естественно, при типологическом сопоставлении различаются и два вида сходств: сходство во внешней форме и сходство в выражаемых ей значениях.

В самом общем плане материальное сходство языков, в частности, наличие в них одинаковых или функционально тождественных звуков производно от физиологического подобия речевого аппарата человека и ограниченного репертуара разных звуков, порождаемых этим аппаратом, а также от идентичных правил их комбинирования, приводящих к возможному наличию внешних и структурных сходств слогов и слов в разных языках. Существование одинаковых черт в плане содержания характеризуется, с одной стороны, общностью и единством воспринимаемого человеком внешнего мира, с другой, общностью внутреннего мира человека и единой логикой мышления, оптимальной формой выражения которых и является язык.

Сходство во внешней форме и в содержании способно выделяться только на фоне тех или иных различий, представляющих собой, по существу, как бы сходство с обратным знаком, поэтому задачей типологического исследования является установление сходств/различий между сопоставляемыми языками и определение на этой основе степени их типологической близости.

В отличие от фонетических и грамматических явлений, которые по своей природе противятся заимствованиям и в большей мере обусло-

влены внутренними отношениями и закономерностями, лексика практически любого развитого языка проницаема, относительно легко усваивает из других языков обозначения для новых реалий и явлений, возникших в результате социальных, научных и культурных процессов за пределами использования данного языка.

Иначе говоря, сходные лексические элементы в разных языках могут быть таковыми как бы по природе, благодаря их общему происхождению из одного источника, праязыка, а также в силу межъязыковых процессов, способствующих наличию интернациональных слов, которые тем не менее своим подобием сближают разные языки и делают их сопоставимыми в лексическом отношении. Это значит, что сравнительная лексикология может строиться с учетом только общих по происхождению слов, с помощью доказанного родства которых устанавливается степень генеалогической близости лексики заданных языков, лексическая же типология базируется на учете всех без исключения слов, невзирая на их происхождение. Довольно любопытным во втором случае представляется тот факт, что некоторые пласты лексики (например, специальная и научная лексика) в генетически менее родственных языках могут оказаться более сходными, чем в близкородственных языках, т.е. социально приобретенное сходство типологически сильнее способно сближать языки в сфере лексики, чем "кровное" родство этих языков, с большей силой проявляемое в области фонетики и грамматики.

Как при целенаправленном, так и при сплошном сопоставлении лексики славянских языков одним из решающих факторов для определения их лексической близости служат количественные показатели. Так, в первом случае, очевидно, чем большим количеством слов, общих по происхождению, обладают данные языки по сравнению с другими языками, тем генетически ближе они между собой при прочих равных условиях (например, при одинаковой фонетической и грамматической близости); во втором случае, чем большее число сходных слов имеется в сопоставляемых языках, тем типологически ближе они в лексическом отношении по сравнению с языками, где таких слов меньше. В широком сопоставительном контексте генетическое сходство лексики можно рассматривать в качестве одного из ведущих видов типологического сходства, однако, разумеется, не всякое типологическое сходство является генетическим, что в итоге и не влияет на возможные общие выводы о подобии разных языков с лексической точки зрения.

Существенно также подчеркнуть то, что на разных исторических этапах (диахронических срезах) степень типологического сходства лексики у одних и тех же сопоставляемых языков может меняться

(это, впрочем, характерно и для генетической близости языков в сфере фонетики и грамматики), т.е. типологическая близость не является навсегда заданной величиной особенно в области лексики, где происходят постоянные процессы, ведущие к появлению новых слов или новых значений уже существующих слов и исчезновению имевшихся лексем или их значений. Количественное и качественное перераспределение лексических единиц меняет характер типологического сходства одних и тех же языков во времени.

Своеобразным камнем преткновения практически при любом типологическом сопоставлении лексики служит понятие сходства, или точнее степени сходства, поскольку во всех родственных языках, и в частности славянских, есть слова, почти полностью совпадающие, и слова, гамма различий между которыми находится в широком диапазоне от малозаметных расхождений до полной несхожести. Это значит, что наряду с количественными характеристиками сопоставляемой лексики при ее типологическом анализе важную роль играют и такие качественные особенности ее, как, например, степень сходства самих сопоставляемых слов.

Типологическое исследование исчислимых единиц и категорий языка, в частности фонем и грамматических явлений, проводится в лингвистике, как правило, путем сопоставления и учета сходств/различий между самими однородными единицами и категориями. К настоящему времени из области фонетики и грамматики, где уже имеются достаточно подробные типологические описания славянских языков, интерес специалистов смещается к сфере лексики. Здесь также достигнуты заметные результаты при изучении многих слов и целых лексических групп (ремесленная¹, географическая², пастушеская терминология³, названия предприятий⁴ и др.) именно в том направлении, которое проложено типологическими исследованиями фонетических и грамматических явлений. Несмотря на глубину, значимость и важность осуществленных описаний, полученные сведения о типологическом характере лексики представляются в целом фрагментарными, ибо отсутствует полная картина, охватывающая всю лексику славянских языков. Такую картину, естественно, нелегко, а вероятно, и невозможно создать при сопоставительном изучении самих лексических единиц, ибо число их труднообозримо.

Значит, при упомянутых подходах общая типологическая картина славянских языков в сфере лексики может быть создана в силу ее огромного количества и разнообразия лишь по частям: учесть сразу всю лексику разных языков в один присест, поименно все слова, в одном, даже большом монографическом исследовании немыслимо. Отсюда

возникает необходимость сводить слова с определенным видом типологического сходства в те или иные модели, эталоны, исчислению и анализу которых в этом случае отводится первостепенная роль, тогда как уже сами сопоставляемые слова, охватываемые рамками конкретной модели, имеют значения иллюстраций, или примеров. Одним из важнейших моментов при конструировании типологических моделей является выбор основания для их построения. В нашем случае предлагается учитывать виды отношений, возникающие между планом выражения и планом содержания рассматриваемых двусторонних единиц языка. Число подобных отношений вполне обозримо и укладывается в рамки, применительно ко всей лексике славянских и других языков, нескольких десятков.

Предлагаемый подход не является новым в научных исследованиях: его аналогом могут служить работы В.Я.Проппа в области изучения русских сказок⁵. Ученый, как известно, подверг анализу не действующих лиц, количество которых достаточно велико, а типичные поступки, совершаемые ими, и ситуации, в которые они попадают. Наличие этих явлений оказалось стабильным, а их число легко обозримым.

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что в отличие от фонем и грамматических категорий, слова имеют четко выражённую двустороннюю структуру, состоящую из плана выражения и плана содержания, есть основания использовать в качестве типологических моделей определенные виды отношений между этими планами. Такую отдельную типологическую модель слова можно назвать, по образцу с существующим в типологии термином язык-эталон, словом-эталон — обобщенной и абстрактной сконструированной межславянской лексической моделью с заданным характером отношений между планом выражения и планом содержания реальных лексических единиц славянских языков⁶. Число подобных слов-эталонов с заданными свойствами целиком определяется наличием в славянских языках тех конкретных лексических единиц, которые этими свойствами обладают, т.е. каждое слово-эталон должно представлять собой обобщение множества реальных слов, количественная заполняемость которого ими определяет мощность данной лексической модели, или мощность слова-эталона: чем больше лексических единиц разных славянских языков охватывается данной моделью, тем сильнее ее мощность и тем типологически ближе рассматриваемые славянские языки по отношению к этой модели.

Теоретически возможно существование трех наиболее обобщенных и абстрактных слов-эталонов со следующими видами отношений между планом выражения и планом содержания:

1. *слово-эталон, охватывающее реальные слова разных славянских языков с совпадающими а не идентичными планами выражения и планами содержания* (ср.: вода, народ, брат, трава и др.);

2. *слово-эталон, охватывающее реальные слова со сходным планом выражения, но с различным планом содержания* (ср.; слов. *риѣца* 'поле, пустошь' и бел. *пушча* 'лес'; пол. *dywan* 'ковер' и укр., рус. *диван*; слов. *prosinec* 'январь' и чеш. *prosinec* 'декабрь' и др.);

3. *слово-эталон, охватывающее реальные слова с идентичным или сходным планом содержания, но с несовпадающим планом выражения* (ср. чеш. *město* 'город' и рус. *город*; бел. *надвор'е*, рус. *погода*, чеш. *počasí* и др.).⁷

Естественно, типологически самой важной является модель, представленная первым словом-эталонем, поскольку именно ей определяется степень прямого сходства разных славянских языков в лексическом отношении: чем мощнее первая модель (слово-эталон с совпадающими или идентичными планами выражения и содержания), или чем большим количеством реальных слов данных славянских языков она заполняется, тем типологически ближе эти языки между собой, и напротив, чем мощнее для тех или иных славянских языков последняя модель (слово-эталон со сходным планом содержания, но с несовпадающим планом выражения), тем типологически дальше они друг от друга в лексическом отношении.

Наиболее сложной для качественной оценки в типологии оказывается вторая модель. Именно здесь все дело заключается в степени близости разных славянских языков: типологическое сходство задается общим планом выражения, а несходство - несовпадающими планами содержания, которые тем не менее во многих случаях оказываются поразному семантически связанными между собой. Поэтому данная модель нуждается в своей детализации, в расщеплении на ряд слов-эталонев, каждое из которых способно выражать ту или иную меру близости лексики славянских языков в зависимости от степени семантического сходства реальных слов, представляющих определенную лексическую модель.

Сходство плана выражения лексических единиц разных славянских языков зиждется на идентичности или родстве основной части слова, где обычно сосредоточено его вещественное значение, т.е. на корне. В подавляющем большинстве случаев единство корневой части слов разных языков сопровождается и тем или иным семантическим сходством подобных слов, а в некоторых случаях и их эквивалентным значением (ср. рус. *муравей*, чеш. *mravenec*, бол. *мравка*. слов. *mravlja*, србх. *мрав*, пол. *mrówka* и др.).

Различия в плане выражения у разных славянских слов с идентичным или родственным корнем могут касаться или грамматических показателей (для существительных, в частности, рода и числа), или аффиксов, окружающих данный корень и нередко придающих ему дополнительные значения, которые меняют общее значение всего слова. Спектр же различий в плане содержания славянских слов, обладающих родственным корнем, более разнообразен, но тем не менее, пожалуй, большинство смысловых расхождений укладывается довольно последовательно в рамки таких видов семантических отношений, как синонимические, антонимические, родо-видовые, тематические и некоторые другие.

Немаловажным является при типологическом изучении лексики учет такого существенного компонента, характеризующего слово, как особенность его внутренней формы, т.е. способа представления называемого детоната в имени. Тождество внутренней формы у разных славянских слов означает сохранение сходства исходного коллективного видения тех или иных предметов и явлений внешней действительности у славянских предков. Значимость этого показателя заключается также в том, что внутренняя форма находится на стыке плана выражения и плана содержания слова, синтезирует их в единый комплекс звучания и значения.

Например, в тематической группе слов, обозначающих разнообразные продукты питания в славянских языках, фиксируется наличие следующих слов-эталонов, у каждого из которых имеется определенный тип отношений между внешней формой и содержанием и каждое из которых включает в себя определенное множество реальных лексических единиц разных славянских языков.

1. План выражения и план содержания лексем в славянских языках (от двух до всех) совпадают или очень близки: *рыба* (бел., рус.), *риба*, *riba*, *ryba* (бол., укр., слов., србх., пол., слц., чеш.); *вино*, *víno* (бол., рус., србх., бел., укр.); *víno*, *wino* (слов., слц., чеш., пол.); *сала*, *сало* (бел., бол., рус., србх., укр.) и т.п.

Как в данном, так и в других случаях, под внешней формой слова, под планом выражения, естественно, понимается его фонетический состав, воплощаемый в разных языках графическими системами латинского и кириллического алфавитов, иногда даже в пределах одного языка (ср.: сербскохорватский, белорусский язык в XIX веке). Слово-эталон данного типа представляется, таким образом, лексическими единицами с совпадающей внешней формой, внутренней формой (если она, конечно, отмечается у соответствующих слов) и значе-

нием. Из других лексических пластов (тематических групп) встречаются единичные слова, которые имеют совпадающие внешние формы и значения, но различаются внутренней формой, что дает основание говорить о другой лексической модели, или о другом слове-эталоне. Так, у рус. слова *начальник* и чеш. *náčelník* отмечается сходная внешняя форма и одинаковое значение, но русская лексема мотивируется словом *начало*, а чешская - словом *čelo* 'лоб', в результате чего внутренние формы у этих сопоставимых лексем не совпадают⁸.

2. Значения слов в разных славянских языках совпадают, внешние формы слов сходны, но в них отмечаются четкие и последовательные аффиксальные различия: чеш. *zákvas* и рус. *закваска*; пол. *grusza* и србх. *крушка*; бол. *говеждо* и слц. *hovädzina*; укр. *козлина* и бел. *казляціна*; рус. *шпроты* и пол. *szyprotki*; слц. *jedlo* и слов. *jedača*; чеш. *zavařenina* и бел. *варэнне* и т.п.

В принципе слово-эталон, иллюстрируемое приведенными лексическими единицами, допускает свое расщепление на еще более конкретные лексические модели, например, слова, различающиеся только префиксами, могут образовывать одну модель, или представлять одно слово-эталон; слова, различающиеся только суффиксами, способны группироваться в другую модель; слова с несовпадающими суффиксами и префиксами могут относиться к третьей модели и т.д. Важно, однако, при этом корневое сходство и совпадение значений лексических единиц разных славянских языков, что и позволяет сводить подобные единицы в одно более обобщенное слово-эталон. Внутренняя форма так же, как и у слов первой модели, при ее наличии и выделении обычно совпадает, но принципиальной роли это для данных слов не играет, ибо первостепенное внимание здесь придается сходству именно внешней формы и совпадению значений.

3. Значения и формы лексем разных славянских языков совпадают или сходны, но имеются грамматические различия, в данном случае, поскольку рассматриваются слова-существительные, эти различия касаются рода и числа: бел. *яблык* (м.р.) и србх. *јабуко*, рус. *яблоко* (с.р.); укр. *картопля* (ж.р.) и рус. *картофель* (м.р.); пол. *szparagi* (мн.ч.) и рус. *спаржа* (ед.ч.); чеш. *rafínada* (ж.р.) и рус. *рафинад*, бел. *рафінад* (м.р.); слов., србх. *banana* (ж.р.) и бел., бол., рус., укр. *банан* (м.р.); пол. *omlet* (м.р.) и чеш. *omeleta* (ж.р.) и т.п.

Естественно, слово-эталон, представляемое лексическими единицами с несовпадающими грамматическими формами, но со сходными внешними формами и значениями, может расслаиваться примени-

тельно к существительным на два слова-эталона: первое из них охватывает лексические единицы, различающиеся в роде, второе — лексические единицы, имеющие различия в числе.

4. Значение слова в одном языке шире, чем в другом, а внешняя форма совпадает или сходна: *боб, бѣб, bob* (бел., србх., рус., укр., чеш., слц.) имеют одно значение 'плод бобового растения, стручок; отдельное семя из стручка бобового растения', тогда как в бол. этой же формой покрывается и значение слова *фасоль*, а в слов. и вид кулинарного изделия 'пышка', т.е. в бол. и слов. значение шире, чем в остальных славянских языках; *печурка* в бол. языке обозначает лишь определенный вид гриба 'шампиньон', а в србх. эта форма имеет родовое значение 'гриб вообще'; *ягода* в рус., укр. — родовое название, а в бол. и србх. — только 'земляника', или видовое название, которое уже по значению, чем в восточнославянских языках; в чеш. *kapusta* — видовое название 'савойская капуста', а в бел., рус., укр. — родовое название; в србх. *вариво* — обозначает все вареные овощи, а в бол. лишь боб, горох и блюда из них и т.п.

Применительно ко всей лексике славянских языков данное слово-эталон может включать в себя и лексемы со сходной внешней формой, связанные между собой значениями типа целое — часть.

5. Слова имеют в разных славянских языках одинаковое значение, но фиксируют в своей несовпадающей внешней форме разные признаки предмета, т.е. обладают разной внутренней формой: србх. *слачица* 'горчица' и бел. *гарчыца*, рус. *горчица*; пол. *boczek*, чеш. *bůček* и рус. *грудинка*; бол. *крайче*, укр. *окраець* и чеш. *pátka*, пол. *przylepka*; бол., србх. *сладолед* и укр. *морозиво*; бел. *гарэлка*, бол. *скоросмъртница*, слов. *žganje* и рус. *водка*; пол. *pozilek* и бел. *яда* и т.п.

Для данной лексической модели на первое место выдвигается наличие в сопоставляемых словах со сходным значением различающейся внутренней формы, которая относительно четко выделяется в лексических единицах разных славянских языков, даже теми, кто не знает других языков кроме своего родного, поскольку мотивация обеспечивается, как правило, теми корнями, которые являются в большинстве случаев общеславянскими. Слово-эталон с рассматриваемыми лингвистическими свойствами выполняет типологическую роль диалектического характера, благодаря которой разные славянские языки сближаются лексически на основании сохранности в словах внутренней формы и одновременно различаются между собой, ибо эта внутренняя форма не совпадает.

6. Слова имеют идентичные значения, но несовпадающая внешняя форма в одном языке имеет мотивирующий признак, т.е. слово сохраняет внутреннюю форму, а в другом языке такого мотивирующего признака у слова с равным значением нет: слц. *rezanci* и рус. *лапша*; чеш. *závitky* и укр. *зрази*, рус. *зразы*; бол. *царевица* и србх. *кукуруз*, рус. *кукуруза*; бол. *киселец* и бел. *шчаўе* и т.п.

Как и у предыдущей модели для лексических единиц, охватываемых данным словом-эталон, важным является такой лингвистический признак, как внутренняя форма, однако здесь он характеризуется не разным проявлением, а наличием/отсутствием. Иначе говоря, рассматриваемое слово-эталон играет однозначную, сугубо дифференцирующую типологическую роль, выделяет в лексике славянских языков черты их различия.

7. Внешняя и внутренняя форма разных славянских слов совпадает, но значения различаются, лексемы соотносятся с неидентичными реалиями: бел. *рыбнік* 'уха' и бол. *рыбник* 'пирог с рыбой'; слов. *močnik* 'похлебка, суп' и чеш. *močník* 'пирожное'; пол. *rosol* 'бульон', чеш. *rosol* 'желе' и рус. *россол*; бол. *сушенки* 'сухофрукты' и чеш. *siřenka* 'коржик' и т.п.

Подобные слова относятся к так называемым ложным друзьям переводчика. Тождественная внешняя и внутренняя форма типологически сближают лексику славянских языков, а несовпадающие значения различают ее, т.е. слово-эталон с данными лингвистическими свойствами играет противоречивую роль при сопоставительном анализе слов: с одной стороны, свидетельствует о бесспорном типологическом сходстве лексики, одинаковых приемах постижения и языкового оформления внешних реалий, с другой, о том, что разные реалии, обладающие всегда множеством признаков, способны благодаря игре случая воплощаться в формах одного слова, своеобразного межъязыкового омонима. Омонимия же традиционно рассматривается как один из видов системной организации лексики, в межъязыковом плане это означает типологически сходной лексики.

8. Значения слов разных славянских слов не совпадают, а внешняя форма слов сходна, но немотивирована: бел. *бурак*, укр. *бурак* 'свекла' и чеш. *bůrak* 'арахис'; пол. *owoc* 'фрукт, плод' и укр. *овоч* 'овощи'; укр. *баклажан* 'помидор' и чеш. *baklažán*, рус. *баклажан*; србх. *дулек* 'тыква' и бол. *дюля* 'айва'; пол. *melon* 'дыня' и чеш. *meloun* 'арбуз'; бол. *сандвич* 'бутерброд' и слц. *sendvič* 'белый хлеб'; пол. *dynia* 'тыква' и бол. *диня* 'арбуз' и т.п.

Слово-эталон, представленное подобными лексическими единицами, отличается от предыдущего слова-эталона тем, что в его реализациях, т.е. в обычных словах, отсутствует внутренняя форма или из-за ее утраты, или из-за использования в разных славянских языках в неодинаковых значениях одних и тех же заимствованных из неславянских языков лексических форм для обозначения реалий, источником происхождения которых являются обычно неславянские страны. Благодаря отсутствию внутренней формы слова данной лексической модели имеют меньшую значимость для типологического сближения славянских языков по сравнению со словом-эталонном, где внутренняя форма фиксируется.

9. Слова имеют идентичные значения, но различаются неодинаковой внешней немотивированной формой: србх. *брашно*, чеш. *touka*, бел., рус. *мука*; бел., укр. *зарбуз* и рус. *тыква*; рус. *лук* и бел. *цыбуля*; чеш. *bochánek* и рус. *каравай*; бел., укр. *кавун*, пол. *kawon* и рус. *арбуз*; бел. *абрыкос* и чеш. *meruška* 'абрикос'; србх. *намаранца* и рус. *апельсин*; чеш. *bowle* и рус. *крюшон* и т.п.

Слово-эталон, соотносимое с подобными лексическими единицами, играет сугубо различительную роль в типологическом исследовании лексики славянских языков. Чем мощнее лексическая модель этого вида, тем сильнее типологически разводит она словарный состав разных славянских языков, и тем сильнее противодействует его типологическому сближению. Это основной противовес первому слову-эталону, объединяющему слова с идентичной формой и содержанием.

10. Названия имеют одинаковые значения, но в одном языке представлены формой единичного слова, в другом посредством словосочетания или описательного оборота: србх. *вареника* и рус. *топленое молоко*; укр. *кролятина* и бел. *трусінае мяса*; чеш. *bramboračka* и рус. *картофельный суп*; србх. *кокице* и рус. *жареные зерна кукурузы*; бел. *kisiel* и слов. *hladen kisli močnik* и т.п.

В некоторых случаях описательные обороты обозначают не что иное, как реалии, не свойственные данной стране, и могут рассматриваться в виде лексических средств, типологически различающих славянские языки. В других случаях для этих целей используется заимствованное слово, которое для большинства носителей языка не имеет четкого денотативного значения, ибо в их жизни отсутствует обозначенная этим словом реалья.

Эксплицированные виды отношений между планом выражения и планом содержания слов и сконструированные на этом основании

слова-эталонны можно рассматривать в виде стабильных величин, а реальные слова в виде переменных величин, т.е. место реальных слов в рамках того или иного слова-эталона способны занимать слова с определенным значением, относящиеся к разным лексическим группам, а не только слова, соотносимые с продуктами питания. При учете слов с абстрактным значением число видов отношений между планом выражения и планом содержания слов увеличится за счет таких лексических связей, как синонимические, антонимические и некоторые другие, но в целом количество возможных слов-эталонных остается легко обозримым, а их использование в типологическом исследовании лексики славянских языков представляется конструктивным, несмотря на то, что некоторые лексические модели могут пересекаться друг с другом, т.е. часть реальных слов разных славянских языков способна одновременно включаться в две и более моделей, одной стороной своих лингвистических свойств сближая сопоставляемые языки, а другой различая их, в чем и проявляется диалектика лексических отношений в словарном составе разных языков.

При фронтальном сопоставлении лексики любых интересующих нас языков и количественном заполнении каждого слова-эталона, или лексической модели, представляется возможность не только измерять определенными оценками мощность выведенных моделей, но и устанавливать степень типологической близости лексики разных языков с помощью конкретной количественной оценки.

Примечания

- 1 Трубацев О.Н. *Ремесленная терминология в славянских языках*. М., 1966. 416 с.
- 2 Толстой Н.И. *Славянская географическая терминология*. М., 1969. 262 с.
- 3 Клепикова Г.П. *Славянская пастушеская терминология*. М., 1974. 256 с.
- 4 *Историческая типология славянских языков*. Под. ред. А.С.Мельничука. Киев, 1986, с. 223-243.
- 5 Пропп В.Я. *Морфология сказки*. М., 1969. 168 с.

- 6 О некоторых видах отношений между словами русского и белорусского языков см.: Супрун А.В. "Сопоставительно-типологический анализ лексики". *Методы изучения лексики*. Минск, 1975, с. 163-170.
- О проблеме лексической типологии см. и Birkenmaier, W. *Einführung in das vergleichende Studium des deutschen und russischen Wortschatzes*. Tübingen, 1987 / Eckert, R. (ed.), *Untersuchungen zur slawischen Lexikologie*. Berlin, 1984 / Filipec, J., "Probleme der Wortschatzkonfrontation". In: Suchsland, P. (ed.), *Probleme des Sprachvergleichs*. 2 Bd. Berlin, 1976. S.143-161 / Gutschmidt, K., "Bemerkungen zu südslawisch-nordslawischen lexikalischen Parallelen". *Zeitschrift für Slawistik* 24 (1979), S. 37-43 / Kopečný, F. *Základní všeslovanská slovní zásoba*. Praha, 1981.
- 7 Список сокращений языков: бел. – белорусский, бол. – болгарский, пол. – польский, рус. – русский, слов. – словенский, слц. – словацкий, србх. – сербохорватский, укр. – украинский, чеш. – чешский.
- 8 См.: Булаховский Л.А. *Введение в языкознание*. М., 1953, с. 163.